

Описательная метафора и фрейм журналистского текста. Интерпретативный анализ метафор освещения террористического акта в Беслане на страницах «Известий» и «Эль Паис»

TATIANA MUKHORTIKOVA, *Universidad de Valencia*
tamuk@alumni.uv.es

Received: October 24, 2017.

Accepted: September 4, 2018.

АННОТАЦИЯ

Данная статья представляет анализ метафор и фреймов, использованных в информационных текстах, посвящённых террористическому акту в Беслане в 2004 году. Исследование комбинирует лингвистический и журналистский подходы, рассматривая метафору как канал передачи фрейма новостного сообщения. Проанализированные тексты были опубликованы в двух газетах, издаваемых на двух разных языках, испанском и русском.

Ключевые слова: метафора, фрейм, медиалингвистика.

RESUMEN

El artículo presenta el análisis de metáforas y encuadres en los textos informativos sobre el atentado terrorista de Beslán en el año 2004. El estudio combina las aproximaciones lingüística y periodística interpretando la metáfora como una cadena de la transmisión del encuadre del texto periodístico. Los textos que se analizan fueron publicados en dos periódicos escritos en dos lenguas, el español y el ruso.

Palabras clave: metáfora, encuadre, frame, lenguaje de medios.

ABSTRACT

This article presents the analysis of metaphors and frames in the news texts dedicated to the Beslan's terrorist attack in 2004. The study combines linguistic and journalistic approximation showing the metaphor as a manner to transmit the frame of journalistic text. The analyzing texts have been published in two newspapers in two languages, Spanish and Russian.

Keywords: metaphor, frame, mediallynguistics.

Введение

На современном этапе развития социальных наук наблюдается тенденция к «размыванию» границ между дисциплинами, всё большее распространение получают так называемые междисциплинарные исследования, опирающиеся на методологии различных научных областей. Данное исследование также соответствует этой линии: мы предлагаем лингвистический анализ журналистских текстов, опираясь на теорию фрейминга и когнитивный анализ метафоры. Целью является продемонстрировать роль метафоры как текстового канала передачи фрейма (общей идеи информационного текста). Так называемая теория фрейминга (*framing*) является одной из самых распространённых в современном социологическом и журналистском анализе методик. Такой подход позволяет установить связь между журналистским текстом как продуктом и контекстом, повлиявшим на процесс его создания.

Описательная метафора как текстовая манифестация фрейма в журналистском тексте

В 70-е годы XX века Гоффман представил новый метод анализа, фрейминг. Автор понимал под фреймом принципы организации различных ситуаций, влияющие также на наше восприятие событий (Goffman, 1986: 10-11). Теория фрейминга получила широкое распространение в научной традиции последних десятилетий. Данный метод исследования позволяет выявить, на каких аспектах акцентируют внимание журналисты при освещении того или иного события, явления, персоны и т.д., передавая субъективную точку зрения, идею-стержень, вокруг которой строится текст (Entman, 1993: 52). Энтман выделяет два уровня манифестации фрейма в журналистском тексте: коммуникативные принципы и текстовые элементы, которые, в свою очередь, делятся на четыре компонента: отправитель (тот, кто передаёт информацию), текст, передающий определённые идеи, и культура, регламентирующая некоторые рамки этого процесса (Entman, 1991 7; 1993: 52). Другие исследователи также интерпретируют фрейм как модель интерактивного конструирования реальности (Scheufele, 1999: 105-106), так как представление события в СМИ, использованные фреймы систематически влияют на восприятие читателями или слушателями получаемой информации (1999: 105).

Фреймы присутствуют в тексте посредством слов, изображений, информационных источников. Они направляют восприятие читающего в сторону определённого умозаключения, которое может быть и не выражено в тексте вербально (Entman, 1991: 7; 1993: 52-53). Доминирующая в обществе культура, в свою очередь, определяет типичные для неё фреймы (Entman, 1993: 52-53), воздействуя и апеллируя к так называемой коллективной социальной памяти общества, к которому принадлежат и журналисты, и читатели. Энтман выделяет следующие серии фреймов текстуального уровня: ключевые слова, символы, метафоры, концепты и визуальное оформление (1991: 7).

Фрейминговый анализ журналистского текста помогает создать дополнительный фон для детального исследования лингвистических элементов, позволяющий восстановить наиболее полную картину освещения события (Palau, 2013: 831). Появление метафоры в списке текстуальных элементов передачи фрейма позволяет сделать вывод об интерпретативной и оценочной силе данной фигуры, её возможности и способности создать определённую точку зрения на рассматриваемый объект.

Проанализировать метафору как один из каналов манифестации фрейма на текстовом уровне позволяет метод когнитивного анализа журналистской метафоры, предложенный Теруэль (Teruel, 1997), которая, в свою очередь, опирается на когнитивные исследования метафоры, прежде всего, на работу Лакоффа и Джонсона «Метафоры повседневной жизни» (1980). Лакофф и Джонсон предположили, что процесс понимания и интерпретации метафоры не статичен, а зависит от внешних факторов, в том числе, опыта и знаний о мире как получателя, так и отправителя метафоры; метафоры как таковые образуются благодаря наличию в человеческом сознании общих для всех языков концептов, ассоциаций (Lakoff y Johnson, 1995). Кроме

того, авторы подчёркивают способность метафоры «создавать» новую реальность, а не просто описывать её (1995: 186). Метафора представляет собой одну из форм структурирования нашего опыта, что, в свою очередь, демонстрирует социальную важность изучения данного языкового феномена, так как метафора формирует концептуальную систему нашего мышления (Jiménez García, 2014: 2). По мнению Даниловой, метафора позволяет структурировать категории и влиять на мыслительный процесс слушателя или читателя, акцентируя внимание на одних аспектах и сглаживая другие характерные особенности объекта описания (2005, 89).

Валгина отмечает социальную важность журналистской метафоры, добавляя, что она «социальна, это скорее способ мышления, способ восприятия мира, а не только приём изображения» (Валгина, 2003: 95). Исследование журналистской метафоры показывает существование типичных для того или иного языка ассоциаций (Нахимова, 2010; Верещинская, 2008: 72), так как хотя метафора и является универсальным феноменом сознания, рамки определённой языковой культуры предопределяют использование некоторых метафор (Верещинская, 2008: 1).

Окунева демонстрирует наличие определённого набора общих знаний, которыми апеллируют носители языка. Речь идёт об аллюзиях, намекающих на историческое событие, произведение искусства и т.д., которые способны понять только носители данного языка (Окунева, 2010: 136; 2011). Исследуя современную журналистскую ретику, Тупицына и Скороходова приходят к аналогичному заключению, деноминируя подобные метафоры как «интертекстуальный приём», то есть, использование в тексте выражений или визуального материала, намекающих на то или иное историческое событие (2009: 110). В качестве примера практического использования данного приёма приведём фрагмент статьи «Известий» о попытке государственного переворота в СССР в 1991 году: «Но в какой чудовищной близости от бездны мы были *эти три дня, которые потрясли мир*» (Известия, 22.08.1991). Фраза апеллирует к книге Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», посвящённой событиям в России в октябре 1917 года. Подобные метафоры способны повлиять на восприятие аудиторией событий современных, предлагая читателю готовую оценку - историческое сравнение.

Интересную идею предлагает Сальвадор, исследуя фразеологию и практическое использование метафор в политическом дискурсе, и апеллируя к предложению Teubert и Šermáková о лексическом значении слова. Согласно Сальвадору, метафора представляет собой не только психологический феномен, но и явление социальное. Прочитированные Сальвадором авторы исследуют примеры употребления выражения “friendly fire”, которое вошло в широкое употребление в английском языке после публикации книги с одноимённым названием, посвящённой событиям вьетнамской войны (Bryan, *Friendly Fire* (1976)). Результаты данного исследования позволяют отметить наличие определённой социальной памяти, так как последующее использование изученной метафоры происходит по аналогии, которое активизирует событие в памяти данного общества, пережившего сложную ситуацию (Teubert у Šermáková, 2004: 143-166; Salvador, 2006: 29-30; 2012: 678). По мнению Тупицыной и Скороходовой, семантика метафоры позволяет изучать политическую, экономическую

и социальную историю страны. В свою очередь, частота использования тех или иных метафор помогает восстановить восприятие современниками своей исторической эпохи (2009: 111), что также соотносится с идеей Шмелёвой о «ключевом слове текущего момента» (Шмелёва, 2009: 63).

Отталкиваясь от предположения Блэка, рассматривающего два компонента метафорического выражения: фокус и рамка (*focus and frame*) (Black, 1955), в структурном анализе метафоры Тэруэль выделяет три важных компонента: фокус (слово, функционирующее как смысловое ядро высказывания), рамка (та часть высказывания, которая подчёркивает и разъясняет смысл метафоры), и тема (вопросы, которые затрагиваются в статье) (Tegeuel, 1997: 235-240). Что же касается интерпретативной части анализа, Тэруэль опирается на понятие семантической или онтологической сферы (1997: 249). Автор выделяет следующие семантические сферы: монстры и воображаемое (метафоры, отсылающие к снам, кошмарам, ужасу и т.д.), погода (атмосферные феномены), гео (высказывания, относящиеся к земле; например, растения, минералы), чувства (чувства и обычаи определённой культуры); власть, человек (здоровье, одежда и эстетика, анатомия, чувства), пространство (фразы, отсылающие к движению в пространстве), правосудие, дом (высказывания, относящиеся к области дома, хозяйства, архитектуры), образование, жар (высказывания, относящиеся к температуре тела или субстанции), божественное (всё, что связано с богами и религиями), смерть, игра (мир спектакля), война, спорт, музыка, вода, воздух, индустрия и мануфактура, деньги, море (рыболовство, мореплавание и т.д.), животные (1997: 250-269).

Опираясь на постулаты Тэруэль и других исследователей журналистской метафоры мы предлагаем рассмотреть данный языковой феномен как канал текстовой передачи фрейма, то есть, главной идеи журналистского текста. В качестве объекта исследования были выбраны информационные тексты двух издаваемых на разных языках газет: «Известия» (русский), «Эль Паис» (*El País*) (испанский), опубликованные в период со второго по семнадцатое сентября 2004 года, информирующие о террористическом акте в городе Беслан.

Описательные фреймы и метафоры «Известий»

1. ТЕРАКТ КАК ДРАМА С ТРАГИЧЕСКОЙ РАЗВЯЗКОЙ

Первый из установленных фреймов апеллирует к метафорам семантической сферы «Игра (мир спектакля)», а именно, к использованию двух терминов, обозначающих жанры театрального действия – драма и трагедия. Во всех рассмотренных случаях, кроме Пр.5 и Пр.7, данные существительные представляют фокус фразы. Метафоры драмы, кроме того, появляются в текстах после штурма здания школы, закончившегося многочисленными жертвами. Первый пример (Пр.1) представляет драму как сценическое действие, имеющее план, сценарий. Метафора отражает произошедшее

во время штурма школы как финал драмы по наихудшему из возможных сценариев. Драма также имеет начало (Пр.2): начало штурма школы интерпретируется как «начало драмы», что в некотором смысле уже намекает читателю на плохую развязку. Пр.3 и Пр.4 также рассматривают теракт как «драму», а организованный властями штурм как финал драмы, добавляя характеристику, выраженную прилагательным «жуткий» (Пр.4).

Пр. 1. Вчера днём драма с захватом заложников в Беслане завершилась по наихудшему сценарию (4.09.2004).

Пр.2. Начало вчерашней драмы застало их именно там (4.09.2004).

Пр.3. Таков финал драмы в североосетинском городе Беслане, где террористы 1 сентября захватили школу и взяли в заложники более тысячи детей (4.09.2004).

Пр.4. Жуткий финал разыгравшейся драмы с заложниками заставил городские власти подвергнуть тщательной проверке всю систему безопасности в учебных заведениях Беслана... (4.09.2004).

Вторая группа метафор отсылает к концепту трагедии. Пр.5. содержит метафору «развязка» в привязке к «террористическому акту»: завершение теракта с многочисленными жертвами среди заложников рассматривается как «развязка» (фокус фразы), которую невозможно рассматривать позитивно, а только «трагически». Спустя несколько дней после штурма одна из метафор (Пр.6) классифицирует произошедшее как «бесланскую трагедию». В свою очередь, Пр.7 рассматривает данные события как «чудовищную трагедию», а Пр. 8 определяет свидетелей произошедшего как «участников трагедии», где существительное «участники» является фокусом фразы.

Пр.5. После трагической развязки теракта главная задача... - выявление, поиск и, по всей видимости, уничтожение его организаторов (4.09.2004).

Пр.6. Путин против общественного расследования, но обещает найти виновных в бесланской трагедии (8.09.2004).

Пр.7. ...все думали о чудовищной трагедии, о сотнях жертв, о горе и безысходности далекого североосетинского городка...(8.09.2004).

Пр.8. ...со ссылкой на участников трагедии утверждается, что погибло от 400 до 600 человек (7.09.2004).

2. БИТВА В ВОЙНЕ ПРОТИВ ТЕРРОРИЗМА

Присутствие в текстах второй метафорической линии, отсылающей к фрейму-концептуальной метафоре «теракт как война», объясняется двумя причинами. Во-первых, события в Беслане произошли на фоне чеченского конфликта и

рассматривались в контексте этого явления. Во-вторых, специфика события, штурм здания с многочисленными жертвами, располагают к ассоциации с войной. Все метафоры, передающие данный фрейм, относятся к семантической сфере «Война». Среди метафор можно выделить две группы, первая из которых отражает идею войны России против терроризма. Пр.9 соотносит борьбу с международным терроризмом с бесланскими событиями. Термины «Россия» и «терроризм» представлены как две противоборствующие силы, семантическим фокусом выражения является существительное «война».

Пр.9. Даже в репортажах с проходящего в Нью-Йорке съезда республиканской партии упоминается, что Россия, как и США, ведёт войну против международного терроризма (2.09.2004).

Вторая метафорическая линия относится к использованию «военной» лексики в текстах, посвящённых бесланским событиям. Пр. 10 представляет теракт как «бой», добавляя характеристику, выраженную существительным «яростный». Пр. 11 демонстрирует ту же самую ассоциацию: физическое пространство, на котором развернулось действие, сравнивается с «местом боя». Пр. 12 содержит выражение «прорваться из окружения»: так оцениваются попытки заложников выйти на свободу, выйти к «своему» войску. Наконец, Пр. 13 содержит пример метафорического использования военной терминологии, а именно, фразы «попасть в плен».

Пр. 10. ... сначала в школе прозвучал взрыв, а затем началась стрельба, перешедшая в яростный бой... (6.09.2004).

Пр. 11. Корреспонденты «Известий» осмотрели место боя и пришли к следующему выводу) (6.09.2004).

Пр. 12. На месте видно, что прорваться из окружения было практически невозможно (6.09.2004).

Пр. 13. Участковый попытался остановить террористов и попал к ним в плен (6.09.2004).

3. УЖАСНЫЙ КОШМАР, ДЛИВШИЙСЯ ДОЛГИЕ ЧАСЫ

Метафоры, передающие третий фрейм (теракт как кошмар), относятся к сфере «Монстры и воображаемое». Их можно разделить на две группы, первая из которых содержит существительное «кошмар». Пр. 14, помимо термина «кошмар», выступающего в качестве семантического фокуса фразы, содержит отсылку к месту события, «бесланский кошмар». Пр. 15 определяет теракт в Беслане как «кошмар», обозначая также хронологические рамки, 52 часа, которые заложники провели внутри школы.

Пр.14. На огромных экранах - видеозаписи бесланского кошмара (7.09.2004).

Пр.15. Сами же бывшие заложники, пережившие 52 часа кошмара, в большинстве своём пока не допускают и мысли о скором возвращении в стены школ (15.09.2004).

Вторая группа содержит четыре метафоры с использованием прилагательного «страшный». Две из них также обозначают временные интервалы. Так, Пр. 16 описывает день штурма как «страшный день», что также демонстрирует его последствия. Похожая метафора (Пр.17) обозначает два дня ожидания развязки. Пр. 18 смешивает два плана восприятия события: с одной стороны, личный опыт ребёнка, находившегося в заложниках, а с другой, всё событие в целом. Прилагательное «страшное» является смысловым фокусом фразы. Последняя метафора (Пр.19) подчёркивает необходимость физического и психологического восстановления детей перед их возвращением в школу. Первосентябрьская школьная линейка, на которой и были захвачены заложники, именуется «страшной».

Пр.16. Сменив камуфляж на обычную одежду, он... вспоминает тот страшный день в Беслане (8.09.2004).

Пр.17. Когда по городу разнеслась весть о захвате заложников, отец Фатимы прибежал к школе и провёл там два страшных дня (10.09.2004).

Пр.18. Папа старается не говорить с Ирбеком о том, что случилось первого сентября. И когда малыш вспоминает о страшном, переводит разговор (16.09.2004).

Пр.19. ...причём всех без исключения, даже тех, кто по каким-то причинам не пришёл первого сентября на страшную линейку и избежал плена (15.09.2004).

Описательные фреймы и метафоры «Эль Паис»

1. ИСТИННАЯ ДРАМА И УЖАСНАЯ ТРАГЕДИЯ

Метафоры, передающие первый фрейм, делятся на содержащие термины «драма» и «трагедия», что совпадает с метафорической линией, представленной в российской газете, а также на примеры, содержащие существительное «сцена». Первая группа состоит из семи метафор, представляющих различные фазы события, начиная с захвата заложников и заканчивая штурмом, как драму. Так, Пр. 20, принадлежит заголовку разворота страницы издания с фотографиями событий, что объясняет присутствие дополнения “imagen” к существительному “drama” (фокус фразы). Пр.21 представляет аналогичную ассоциацию, добавляя при этом характеристику драмы – “verdadero”. Пр.22 демонстрирует использование прилагательного “dramático”. Пр.23

определяет штурм здания как попытку закончить «спектакль», “poder fin al drama”, а Пр.24 рассматривает город, место произошедшего, как сцену, на которой развернулась драма. Наконец, Пр.25 определяя события в Беслане как драму, отмечает глобальный характер, эффект этой драмы, “dimensión universal”.

Пр.20. Las imágenes del drama (4.09.2004).

Пр.21. Verdaderos dramas se desarrollaron en el interior de colegio (...) (3.09.2004).

Пр.22. El dramático secuestro de más de 300 personas (...) prosiguió ayer con dos signos positivos en el clima de incertidumbre general (...) (3.09.2004).

Пр.23. Pero los rusos decidieron aprovechar el acuerdo al que habían logrado con el comando suicida para retirar los cadáveres (...) y poner fin al drama que desde el miércoles mantenía en vilo a todo el país (4.09.2004).

Пр.24. La cobertura televisiva del drama de Osetia del Norte (...) ha sido duramente criticada (5.09.2004).

Пр.25. Era eso lo que daba al drama una dimensión universal, lo que hacía que la escuela Número Uno de Beslán pudiera ser también nuestra escuela (6.09.2004).

Вторая группа метафор содержит термин «трагедия» и его производные. Пр. 26 отсылает к начальной стадии события, захвату заложников, где “secuestro” – фокус метафоры, а прилагательное “trágico” – его характеристика. Пр. 27, в свою очередь, определяет момент начала штурма как “la nueva fase de la tragedia”, где существительное “tragedia” также является семантическим фокусом. Пр. 28 и 29 отсылают нас к штурму и большому количеству жертв, в первом случае (Пр.28) для описания трагедии применено прилагательное “final”, а во втором (Пр.29) штурм определяется как “desenlace”, дополненное прилагательным “trágico”. Три метафоры (Пр.30-32) апеллирует к количеству жертв, в первом примере (Пр.30) к существительному “tragedia”, которое функционирует как смысловой фокус, добавляется прилагательное “terrible”, во втором (Пр.31) фокус падает на существительное “magnitud”, описывающее масштабы трагедии. В третьем примере (Пр.32) трагедия предстаёт живым существом, обладающим интеллектом, способным считать (“contar”) жертв.

Пр.26. La presencia militar allí era un claro indicativo del temor de las autoridades a que pudieran producirse enfrentamientos interétnicos en respuesta al trágico secuestro de la escuela Número Uno (7.09.2004).

Пр.27. (...) el punto de inflexión a partir del cual la tragedia entró en una nueva fase (...) (4.09.2004).

Пр.28. (...) los acontecimientos se precipitaron hacia la tragedia final, que anoche aún no había concluido (...) (4.09.2004).

Пр.29. Una vez conocido el trágico desenlace de la toma de rehenes en la escuela norosetia de Beslán, el ministro español de Asuntos Exteriores, Miguel

Ángel Moratinos, hizo una declaración (...) (4.09.2004).

Пр.30. La terrible tragedia que se desarrolló el viernes en la escuela Número Uno de Beslán y dejó cientos de muertos seguramente habría desencadenado una gran crisis gubernamental en otro país europeo que no fuera Rusia y habría golpeado la popularidad del jefe de Estado, responsable al menos políticamente de la operación (5.09.2004).

Пр.31. (...) una multitud de familiares de los muertos, anonadada por la magnitud de la tragedia, se concentró frente al Palacio de Cultura esperando información (5.09.2004).

Пр.32. La tragedia de la escuela de Beslán contaba anoche con 330 víctimas mortales, además de 26 secuestradores muertos (5.09.2004).

Третья группа состоит из двух метафор, содержащих примеры использования существительных “escenario” и “escena”. Пр.33 описывает место произошедшего как “escenario de la matanza”: сами бесланские события классифицируются как “matanza”, а фокус фразы, существительное “escenario”, определяет место события. Наконец, Пр.34 определяет штурм школы как “horror”, и отдельные его эпизоды как “escenas de horror”.

Пр.33. Las autoridades rusas abren al público la escuela Número Uno de Beslán, escenario de la matanza de los rehenes secuestrados (6.09.2004).

Пр.34. Dzestélova no vio las escenas de horror que se producían a sus espaldas (...) (4.09.2004).

2. ЭПИЗОД ВОЙНЫ

Второй фрейм освещения бесланских событий на страницах испанской газеты рассматривает произошедшее как эпизод затянувшегося чеченского конфликта. Эта линия представлена тремя метафорами семантической сферы «Война». Так, Пр.35 представляет теракт как войну, террористов как готовых к обороне, что выражено глаголом “atrincherarse” (фокус фразы), а место (школу) как поле боя. Пр.36 определяет возможность скрыться для заложников во время начавшегося штурма как “camino hacia la libertad” после двух дней, проведённых в заточении. Количество заложников обозначено как “tropel”. Пр.37 одновременно классифицирует произошедшее как драму, и место события как город, опустошённый (“asolado”) жестокостью и последствиями атаки.

Пр.35. Los terroristas chechenos se atrincheran tras liberar a 26 madres y bebés (3.09.2004).

Пр.36. Entre los cristales rotos que atravesó Dzestélova, un tropel de niños asustados trataron, como ella, de abrirse camino hacia la libertad (4.09.2004).

Пр.37. (...) ciudad de Osetia del Norte asolada por un drama que se

ha saldado con al menos 330 rehenes y soldados muertos, además de 26 secuestradores (5.09.2004).

3. КОШМАР В АДУ

Десять из установленных в текстах метафор передают идею ужаса, кошмара произошедшего, апеллируя данными терминами и их производными. Метафоры делятся на четыре группы, в первой из которых фокусом фразы предстаёт существительное “caos”. Пр.38 передаёт чувства заложников, их родственников и других свидетелей произошедшего как “caos” и “confusión” в точке максимального эмоционального накала, а Пр.39 использует существительное “caos” для описания разрушений, оставленных терактом. Фраза построена на противопоставлении «хаос, ужас – цивилизация». Хаос случился в школе, символе образования, знания, развития, ставшим синонимом цивилизации.

Пр.38. *El caos y la confusión alcanzaron ayer su clímax* cuando (...) las fuerzas de seguridad rusas lanzaron una operación de rescate (...) (4.09.2004).

Пр.39. *En aquel caos*, lo que resultaba especialmente *brutal* no eran las *huellas del horror* en sí mismas, sino el contraste entre estas y las señas de identidad de un mundo escolar que es sinónimo de *civilización* (6.09.2004).

Другая группа метафор содержит существительное “infierno”. Пр.40 характеризует этим концептом эмоции, пережитые заложниками, выражая их метафорой “vivir un infierno”, а Пр.41 использует данный термин для описания личной истории одной из учительниц, находившейся в числе заложников.

Пр.40. Así, continuaron emitiendo películas, series y toda clase de programas ligeros, al tiempo que *cientos de niños vivían un infierno* a manos de sus secuestradores (5.09.2004).

Пр.41. Una profesora *en el infierno* (9.09.2004).

Третья группа метафор состоит из трёх примеров использования существительного “horror”, рассматривая террористический акт как в дни заточения заложников, так и в часы штурма. Пр.42 рассказывает опыт, пережитый заложниками. Нечеловеческие условия передаются существительным “horror”, которое является фокусом выражения. Продолжительность события выражена дополнением “53 horas”. Пр.43 рассказывает о попытках бывших заложников забыть о пережитом внутри школы «ужасе» (“horror”), “superar el horror”. Наконец, Пр.44 определяет как ужас (фокус фразы) обстановку на месте после штурма здания. Темпоральную и пространственную близость произошедшего подчеркивает наречие “demasiado” с выражением “estaban vivos”, отсылая читателя к воспоминаниям пережитых драматических событий.

Пр.42. 53 horas de horror (EP, 4.09.2004).

Пр.43. Los vecinos de Beslán vagan en busca de sus familiares desaparecidos y tratan de superar el horror que se vivió en el interior de la escuela (EP, 5.09.2004).

Пр.44. Sin embargo, los horrores de lo que había sucedido ahí dentro estaban demasiado vivos como para ser parte del pasado (EP, 6.09.2004).

Четвёртая группа метафор содержит существительное “pesadilla”, которое представляет фокус фразы. Пр.45 рассматривает момент начала событий и передаёт его словами “la pesadilla comenzó”. Фраза построена на контрасте “pesadilla” и “fiesta”: то, что началось как праздник, закончилось как кошмар. Пр.46 классифицирует захват заложников как кошмар, добавляя характеристику “de estar retenidos”. Образ усиливает и выражение “condiciones extremas”, принадлежащее тому же предложению: заложники находились в неволе, в экстремальных условиях и без каких-либо удобств. Пр.47 также описывает атаку на школу как “pesadilla”, самый сильный пережитый городом кошмар.

Пр.45. La pesadilla para los padres, hijos y familiares que acudieron al colegio el martes (...) comenzó en medio de lo que debería haber sido una fiesta (3.09.2004).

Пр.46. A la pesadilla de estar retenidos durante más de 53 horas, se sumaron las condiciones extremas que se vivían en el edificio (...) (4.09.2004).

Пр.47. Escenas de júbilo se vivieron ayer en la ciudad norosetia de Beslán, que desde el martes vive la peor pesadilla de su historia (3.09.2004).

4. ЦУНАМИ ТЕРАКТОВ

Последний из установленных в текстах, посвящённых бесланским событиям, фрейм представлен одной метафорой (Пр.48) и описывает череду захлестнувших страну терактов через ассоциацию с морским стихийным бедствием, выраженным существительным “oleada”, что соответствует семантической сфере «Море».

Пр.48. Rusia sufre desde hace 10 días una oleada de atentados que han causado un centenar de víctimas (2.09.2004).

Заключение

Полученные результаты позволяют сделать вывод о возможности практического комбинированного подхода изучения журналистских текстов на примере освещения террористических актов: метафора как один из каналов передачи фрейма показывает практический пример его текстовой реализации. В свою очередь, определение фрейма

позволяет воссоздать более полную панораму освещения того или иного события в СМИ.

Русское и испанское издания совпали в трёх описательных фреймах, рассматривающих бесланские события как театральное представление с фатальным финалом, предполагающим, в том числе, и смерть главных героев; как эпизод войны и кошмар. Данные фреймы переданы при помощи метафор, принадлежащих семантическим сферам «Игра (мир спектакля)», «Война», «Монстры и воображаемое» (Таблица 1). Наличие этих метафор соотносится с идеей Лакоффа и Джонсона о существовании базовых метафорических ассоциаций человеческого сознания (1995) и позволяет сделать вывод о том, что данные ассоциации являются базовыми применительно к терроризму.

В то же время, в испанской газете присутствует описательный фрейм, не замеченный в российском издании. Речь идёт об ассоциации террористического акта с природным стихийным бедствием, цунами, что соответствует семантической сфере «Море». Присутствие данной ассоциации объясняется особенностями географического положения Испании: страна омывается морями, и аллюзия с данной стихией первой приходит в голову её обитателей. Наличие в текстах испаноязычного издания метафор семантических сфер, не замеченных в российской газете также подтверждает идею авторов (Верещинская, 2008; Нахимова, 2010; Окунева, 2010, 2011; Тупицына и Скороходова, 2009) о существовании ассоциаций, типичных для носителей определённого языка.

Наибольшее количество метафор соответствует сфере «Игра (мир спектакля)»: метафорическое использование наименований театральных жанров (драма, трагедия) и других сценических терминов. Данная ассоциация объясняется схожестью законов жанра с катастрофическими последствиями теракта. В текстах обоих издания также присутствуют метафоры сферы «Монстры и воображаемое». Описывая обстановку на месте происшествий газеты используют термины «хаос», «кошмар», «ужас». Третья ассоциация, которую разделяют две газеты, - представление случившегося как эпизода войны, что объясняется как общим доминирующим фреймом эпохи «Война против терроризма», так и контекстуальным фоном события – чеченским конфликтом.

Газета	Фрейм	Семантические сферы	Количество метафор
<i>Известия</i>	Теракт как драма с трагической развязкой	Игра (мир спектакля)	8
	Битва в войне против терроризма	Война	6
	Ужасный кошмар, длившийся долгие часы	Монстры и воображаемое	5
<i>Эль Паис</i>	Истинная драма и ужасная трагедия	Игра (мир спектакля)	15
	Кошмар в аду	Монстры и воображаемое	10
	Эпизод войны	Война	3
	Цунами терактов	Море	1

Таблица 1. Фреймы, семантические сферы и количество метафор.

REFERENCES

- Black, M. (1955). Metaphor. *Proceedings of the Aristotelian Society*, 55, 273-294.
- Bryan, C. D. B. (1976). *Friendly Fire*. New York: Putnam.
- Del Río Sanz, E. et al. (Eds.). (2012). *Retórica y política: los discursos de la construcción de la sociedad*. Logroño: Gobierno de La Rioja, Instituto de Estudios Riojanos, Ayuntamiento de Calahorra.
- Entman, R. M. (1991). Framing U.S. Coverage of International News: Contrasts in Narratives of the KAL and Iran Air Incidents. *Journal of Communication*, 41 (4), 6-27.
- Entman, R. M. (1993). Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication*, 43 (4), 51-58.
- Goffman, I. (1986). *Frame Analysis. An Essay on the Organization of Experience*. Boston: Northeastern University Press.
- Halliday, M.A.K. (2004). *Lexicology and Corpus Linguistics. An introduction*. Londres, Nueva York: Continuum.

- Jiménez García *et al.* (2014). Metáforas tecnocientíficas en el discurso mediático: análisis hermenéutico e impacto socio-educativo. *ARBOR Ciencia, Pensamiento y Cultura*, 190 (769), 2-9.
- Lokoff, G. y Johnson, M. (1995). *Metáforas de la vida cotidiana*. Madrid: Cátedra.
- Palau, D. (2013). La actualidad decantada. Enfoques y estilos en los titulares de portada. *Estudios sobre el Mensaje Periodístico*, 19 (2), 825-839.
- Salvador, V. (2006). Engageu el ventilador amb les mans ben netes: Fraseologia, metàfora i interdiscurs en la comunicació política. En Salvador, V. y Climent, L. (Eds.), *El discurs prefabricat II: fraseologia i comunicació social* (pp. 23-51). Castelló: Universitat Jaume I.
- Salvador, V. (2012). Metàfora y fraseología en el discurso periodístico de tema político. En Del Río Sanz, E. *et al.* (Eds.) (2012). *Retórica y política: los discursos de la construcción de la sociedad* (pp. 671-682). Logroño: Gobierno de La Rioja, Instituto de Estudios Riojanos, Ayuntamiento de Calahorra.
- Salvador, V. y Climent, L. (eds.). (2006). *El discurs prefabricat II: fraseologia i comunicació social*. Castelló: Universitat Jaume I.
- Scheufele, D. A. (1999). Framing Theory of Media Effects. *Journal of Communication*, Winter, 103-122.
- Teruel, E. (1997). *Retòrica, informació i metàfora: anàlisi aplicada als mitjans de comunicació de massa*. Barcelona: Universitat Autònoma de Barcelona.
- Teubert y Čermáková (2004). Directions in Corpus Linguistics. En Halliday, M.A.K., *Lexicology and Corpus Linguistics. An introduction* (pp.113-166). Londres, Nueva York: Continuum.
- Валгина Н.С. (2003). *Активные процессы в современном русском языке*. Москва: Логос.
- Верещинская Ю.В. (2008). Metàfora como componente nacional en los títulos periodísticos. «*Испанский язык в контексте диалога культур: исследование и преподавание. материалы III международной научной конференции испанистов 20-22 марта 2008 года*» (pp. 72-77). МГИМО (У) МИД России, Москва. En: <https://mgimo.ru/files/48170/48170.pdf>
- Данилова М.Ю. (2005). О некоторых функциональных особенностях употребления метафорической номинации в публицистике. *Вестник Удмуртского Университета*, 5 (2), 85-90.
- Нахимова Е.А. (2010). Историческая динамика метафорической активности прецедентных имён собственных в политической коммуникации. *Политическая лингвистика*, 4 (34), 188-124.
- Окунева И.О. (2010). Виды и роль метафоры в печатных СМИ России, Великобритании, США и Канады. *Политическая лингвистика*, 4 (34), 135-145.
- Окунева И.О. (2011). Приёмы речевого воздействия в печатных СМИ России, Великобритании, США и Канады. *Политическая лингвистика*, 4 (38), 104-116.
- Тупицына И.К. и Скороходова Е.Ю. (2009). Природа метафоры и её использование в современной российской прессе. *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*, 22 (160), 108-114.

Шмелёва Т.В. (2009). Кризис как ключевое слово текущего момента. *Политическая лингвистика*, 2 (28), 63-67.